

УДК 327.8(47)“1950/1980”

doi 10.17072/2219-3111-2019-4-168-177

«... ОНА БЫЛА В ПАРИЖЕ, И Я ВЧЕРА УЗНАЛ, НЕ ТОЛЬКО В НЁМ ОДНОМ»: СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРНАЯ ДИПЛОМАТИЯ, ПРОПАГАНДА И ОДОМАШНИВАНИЕ ДИСКУРСОВ В УСЛОВИЯХ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ¹

Н. А. Белякова

Институт всеобщей истории РАН, 119334, Москва, Ленинский пр., 32 а
beliacovana@gmail.com

Культурная дипломатия СССР на протяжении последних шестидесяти лет привлекала внимание западных исследователей из разных областей науки, которые стремились интерпретировать феномен экспансии Советского Союза в области культуры. Изначальная политическая заряженность восприятия культурной дипломатии как конкуренции и борьбы за влияние супердержав сохраняется и в современной историографии, однако архивная революция в Восточной Европе и России позволила выйти на новый, институциональный, уровень изучения механизмов функционирования авторитарных политических систем и выявить внутреннюю логику функционирования советской бюрократической структуры. В коллективной монографии под редакцией Оксаны Нагорной были описаны институты, реализовывавшие советскую культурную дипломатию на протяжении 1950–1980-х гг. и направления ее реализации. Отказ от привычной периодизации политической истории послевоенного СССР (по времени деятельности генеральных секретарей КПСС) дал возможность сделать важное наблюдение, согласно которому импульсами развития советской культурной дипломатии стали кризисные вехи истории социалистического лагеря – 1956 и 1968 гг. После венгерского кризиса наблюдался поворот советской системы в направлении создания «массовых» систем коммуникации в государственной, научной и «общественной» сферах. В этот поворот вполне вписывалось и развитие церковной дипломатии Советского Союза, которая в силу отрицательного отношения российских большевиков к религии оставалась за рамками указанной деятельности, однако активно развивалась на протяжении 1960–1980-х гг. и превратила церковных деятелей в важных акторов холодной войны. Увеличение и усложнение системы коммуникаций приводило к неожиданным эффектам трансформации и приватизации дискурсов и нарративов, транслируемых на экспорт или предлагаемых иностранным туристам, и изменяло внутреннее культурное пространство СССР.

Ключевые слова: холодная война, культурная дипломатия, история коммуникаций, история СССР, религия в холодной войне, серая зона социалистической культуры.

Понятия «холодная война», «железный занавес», «первый, второй и третий миры», «коммунистическая угроза», «американский образ жизни», «мягкая сила» прочно вошли в исторический дискурс. На протяжении 1960–1980-х гг. содержание этих понятий серьезно менялось, что, как представляется, отражало и усложнявшуюся в этот период конфигурацию холодной войны. Одновременно эти термины прочно вошли как в лексикон гуманитариев, так и в повседневный обиход. В последние два десятилетия произошел большой рывок в изучении системы коммуникаций в сфере международных отношений, и понятие «культурная дипломатия» было включено в арсенал общественных наук. Однако определение того, что понимается под культурной дипломатией, где границы между пропагандой и культурной дипломатией, между культурной дипломатией и публичной, представляется дискуссионным [Нагорная, 2018, с. 8–22]. Например, в новейшем издании Шпрингера, посвященном публичной дипломатии, утверждается, что понятие «пропаганда» часто имеет негативную коннотацию, связано с опытом столкновения с пропагандой Третьего рейха или коммунистических диктатур периода холодной войны [Hartig, 2019, S. 15]. Например, согласно Мелиссену, «public diplomacy is similar to propaganda in that it tries to persuade people what to think, but it is fundamentally different from it in the sense that public diplomacy also listens to what people have to say» [Melissen, 2005, P. 18]. Однако в последнее время это

понятие встречается в литературе и в нейтральном значении [Taylor, 2003, p. 249–285; Rawnsley, 2000, p. 22–48; Jowett, O'Donnell, 2012, p. 3–430]

В большинстве новейших исследований, посвященных холодной войне, советские инициативы в области культурной дипломатии рассматриваются в первую очередь как использование культуры в целях «государственной политики» [Gienow-Hecht, Donfried, 2010, p. 3–17]. Вместе с тем культурная дипломатия может быть представлена в качестве официальной части публичной дипломатии, в которой культура является инструментом имиджевой политики и международного политического влияния государства [Bauersachs, 2019, S. 31–73] и в этом плане советский опыт культурной дипломатии вполне вписывается в международную практику.

В чем же уникальность советской культурной дипломатии, к которой обращались специалисты, преимущественно западные, изучавшие разные аспекты холодной войны? Феномен советской культурной активности в американской советологии воспринимался как серьезный вызов, как наступление на западный мир (offensive). Например, в таком дискурсе представлялась советская культурная дипломатия в исследованиях советолога Ф. Баргхорна, публиковавшего их с начала 1960-х гг. [Barghoorn, 1960, p. 1–360]. Эта активная, подчас агрессивная политика продвижения советского присутствия в самые разные сферы культуры породила запрос на ее интерпретацию представителями разных гуманитарных дисциплин. Политическая заряженность восприятия культурной дипломатии в условиях холодной или ледяной войны как экспансии супердержав сохраняется и в современной историографии. Однако архивная революция в Восточной Европе, начало проведения компаративного анализа политики двух супердержав, появление площадок для обсуждения феномена холодной войны, влияние концепций близких к исторической науке дисциплин, в первую очередь политологии, культурологии, международных отношений, дали возможность по-новому взглянуть на феномен советской культурной дипломатии.

В опубликованной в 2018 г. коллективной монографии под редакцией российского исследователя Оксаны Нагорной предпринята попытка системного описания культурной дипломатии СССР, развивавшейся в условиях холодной войны. Исследование, материалы которого активно представлялись на международных конференциях и в ряде русскоязычных изданий, стало вехой в российской историографии. Кроме того, эта книга является примером успешно завершенного проекта в гуманитарной сфере, собравшего ведущих российских специалистов по истории отдельных направлений культурной дипломатии. Амбициозность поставленной коллективом задачи обнаруживается на фоне многочисленных работ, изданных в последние два десятилетия западными, в первую очередь англоязычными, исследователями, в том числе монографий и сборников, посвященных специфике отношений в сфере культуры между странами первого, второго и третьего мира.

Монография начинается с подготовленного О.Ю. Никоновой обзора существующих в современной англо- и немецкоязычной историографии концепций, связанных с понятиями культуры, культурной дипломатии, власти. Качественный прорыв в общественных науках и изменение фокуса зрения – сначала через введение Дж. Най понятия «мягкая сила» [Nye, 2004, p. 1–32], а затем благодаря разработкам в области истории культуры – способствовали отказу от доминирования в историографии концепта «государственной» культурной дипломатии. Рост интереса к истории, отказ от дихотомии устройства мира и нормативности американской модели, разработка понятия «власть» позволяют войти в мир зарубежной историографии холодной войны и знакомиться с новыми концептами и понятиями, далеко не всегда принятыми и понятными в российском историописании [Нагорная, 2018, с. 8–34]. Однако авторы книги оказываются в значительной степени заложниками своей источниковой базы, которая определяет логику восприятия и акценты в описании событий и их интерпретации. Судя по всему, «давление» источников испытали и участники проекта, которые издали сборник документов, отражающий, как им казалось, ключевые аспекты советской культурной дипломатии [Нагорная, 2017, с. 1–55]. Представляется, что публикация сборника документов и монографии является хорошим ходом авторов и свидетельствует о наличии основательной базы для продолжения исследований в этой области.

В книге описаны советская система организации культурной дипломатии в середине 1950–1980-х гг., причудливый мир партийно-бюрократического аппарата Советского государ-

ства, который в хрущевский период оброс зависящими от него в разной степени общественными и научными структурами. Организационные структуры советской культурной дипломатии, партийно-бюрократические схемы ее существования, распределение полномочий и принципы финансирования подробно рассмотрены, преимущественно на материалах Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС) и его преемника – Союза советских обществ дружбы и культурной связи с зарубежными странами (ССОД), отложившихся в ГАРФ, во второй главе монографии, составленной Н.А. Трегубовым. Автор отдельно описал органы партийного и государственного управления культурной дипломатией и организации–исполнители в этой системе. В главе отражены несколько принципиальных моментов функционирования управленческого аппарата в этой сфере: во-первых, внутренняя борьба представителей разных советских ведомств, которая влекла за собой перераспределение полномочий в области культурной дипломатии и появление новых органов; во-вторых, произошедшие к концу 1950-х гг. изменения в культурной дипломатии СССР: интенсивное развитие со второй половины 1950-х гг. культурной дипломатии официальными государственными ведомствами (по мере заключения межгосударственных соглашений о культурных обменах, где основная нагрузка приходилась на Министерство культуры СССР) при сохранении сети «советских общественных организаций» в системе международных культурных коммуникаций и нежелании включать культурные контакты в формат межгосударственных обменов.

Что же презентовало Советское государство в рамках своей культурной дипломатии? Третья глава начинается с репрезентации СССР на международных выставках «товаров народного потребления», но авторы ее явно затрудняются дать оценку настойчивому участию СССР в этих выставках, зато предлагают познакомиться с суждениями, оставленными в книгах отзывов, фиксировавшими в том числе растущее отставание СССР в сфере потребления. Рассматривая научные и академические контакты, исследователи особое внимание уделяют контактам с Кубой и подчеркивают, что утверждение западных авторов о том, что научные обмены стимулировались советским правительством исключительно ради получения уникальных технологий, позволяющих преодолеть все увеличивающуюся отсталость [Gould-Davies. 2003. р. 193–195], верно лишь отчасти, поскольку СССР в обмене со странами третьего мира способствовал трансферу знаний с социалистического Востока на глобальный Юг. Исследователи обратили внимание на созданные в структуре АН СССР и существующие до сегодняшнего дня учреждения типа ИМЭМО, институтов Африки, Латинской Америки, США и Канады, Дальнего Востока, которые должны были выполнять «функцию внешней экспертизы» для культурной дипломатии СССР, однако, по мнению авторов, практически не влияли на принятие внешнеполитических решений высшими партийными инстанциями. В целом представляется достаточно спорным помещение текста о научных и образовательных контактах СССР в главу, посвященную репрезентации СССР, поскольку речь идет скорее о «научной дипломатии», нуждающейся в особом инструментарии, в том числе из области научного трансфера.

В третьей главе, в отдельном параграфе, описывается организация Советским Союзом молодежных фестивалей, причем в соответствующих документах отражен взгляд советской бюрократии, занимавшейся организацией двух проходивших в Москве в 1957 и 1985 гг. фестивалей. Инициированные в рамках культурной дипломатии массовые визиты представителей первого и третьего мира в СССР стали наиболее частыми при проведении Олимпиады-80, которая явилась настоящим мега-событием и поставила руководство СССР перед колоссальными рисками, поскольку необходимо было принять контингент участников, формировавшийся не на основе лояльности или интереса к СССР, а на основе спортивных достижений. «Внутренняя кухня» организации этих Олимпийских игр, вошедших в историю мега-акций процедурой прощания с олимпийским символом – мишкой, запущенным в небо во время церемонии закрытия игр, достаточно подробно описана в монографии.

Анализ информационно-пропагандистского обеспечения Олимпиады-80, имевшего особое значение в условиях блокады, прокладывает путь к следующему сюжету монографии – мемориальному или юбилейному направлению советской культурной дипломатии, которое рассматривается преимущественно с точки зрения официальных месседжей и предполагает изучение книг отзывов в мемориалах стран Восточной Европы как альтернативного источника. Заслуживает внимания наблюдение Т. Раевой об отказе советского руководства воспринимать

историю социализма (в контексте организации ленинианы или празднования Октябрьской революции) в качестве европейского проекта, о невнимании к организации мемориальных акций в местах, где создавалось российское социал-демократическое движение (например, в Швейцарии), что, как представляется, следует связывать не столько с недостатком ресурсом, сколько с конфликтом с европейскими социалистическими и коммунистическими партиями.

Четвертая глава посвящена советскому миротворчеству, которое ранее не было объектом системного исторического исследования, при этом учитывается дискредитация «борьбы за дело мира» в условиях непрекращающейся подготовки к войне. Т.В. Раева, рассматривая в первом параграфе риторическое оформление советского миротворчества и отмечая принципиальное значение милитаристской компоненты советской миротворческой риторики, показывает, как военные акции СССР на протяжении 1950–1980 гг. наносили непоправимый ущерб имиджу СССР как миротворца и приводили к дистанцированию от него как западных миротворческих групп, так и интеллектуальных элит третьего мира по мере развития антиколониального движения в этих странах. Весьма информативным представляется раздел об истории развития Советского комитета защиты мира и Советского фонда мира (СФМ), который действовал с 1961 г. как самостоятельная организация и аккумулировал ресурсы, имея практически неограниченные возможности распределения финансирования. Так, согласно уставам 1978 и 1984 гг. этот фонд мог оказывать помощь жертвам империалистической агрессии, жертвам геноцида, массовых стихийных бедствий, а также поддерживать организации, движения и лица, борющиеся за национальную независимость и свободу [Советская культурная..., 2018, с. 247]. Внешнеполитическая направленность миротворческих инициатив, по сути, обесмысливалась идеологическими установками ЦК КПСС, и неуспешность многих инициатив становилась ясна из публикуемых материалов. Однако два самых интригующих вопроса – о финансовой базе и масштабах вливаний СФМ в различного рода антиимпериалистические акции в разных частях планеты, – оказались пока не исследованными.

Благодаря написанному О. Нагорной параграфу, посвященному истории международных Ленинской и Сталинской премий за миротворческую активность, приходит понимание стратегии СССР в области миротворчества. Помимо попыток инструментализации международных миротворческих инициатив движения и пропаганды советских внешнеполитических доктрин организаторы перехватывали инициативы, блокировали появление альтернативных проектов и привели к дискредитации идеи миротворчества как внутри советского общества и отсутствию возможности консолидации миротворческих сил на международном уровне.

Пятая глава монографии посвящена активному развитию в мире с 1960-х гг. такого общественного явления, как туризм, который, согласно автору главы А. Попову, можно рассматривать как мягкую силу и самую массовую форму осуществления прямых кросс-культурных контактов между советскими гражданами и представителями зарубежных стран [Советская культурная..., 2018, с. 291]. Советский Союз оказался включенным в стремительно развивающийся мировой туризм. Так, если в 1956 г. СССР посетили около 500 тыс. человек, то в 1965 г. – 1,3 млн., в 1975 г. – 3,7 млн., в 1980 г. – 5 млн. И то, каким образом советские инстанции пытались справиться с неминуемо возникшим «парадоксом участия» и «демонстрационным кризисом», показано в отдельном параграфе, посвященном техникам гостеприимства в СССР. Начало массового туризма за пределы СССР относится к 1955 г., когда около 2,1 тыс. советских туристов впервые получили возможность выехать за рубеж. О принципах организации отбора выпускаемых за границу, их идеологической вакцинации и требованиях к ним, связанных с репрезентацией «нового советского человека за рубежом», о сувенирной продукции, обязательной в дарообмене при общении с иностранцами, дисциплинарном контроле за поведением советских туристов за рубежом написано в отдельном параграфе А. Поповой, показавшей логику и механизмы советской организации выездного туризма [Советская культурная..., 2018, с. 313–330; см. также: Орлов, Попов, 2016, с. 99–158].

В шестой главе монографии обсуждаются действующие акторы советской культурной дипломатии. В частности, рассматривается сюжет об участии в ней советских писателей, а именно Константина Федина. Кроме того, предпринята попытка выявить механизм награждения международной Ленинской премией мира и его политический эффект.

Как в пятой, так и в шестой главе особое место занимает анализ работы с молодежью – людьми будущего, для которых и проводились молодежные фестивали. В 1958 г. было создано Бюро международного молодежного туризма «Спутник», которое с 1970 г. находилось в структуре аппарата ЦК ВЛКСМ на правах отдела, занимавшегося организацией поездок молодежных групп по СССР и инфраструктурой собственных международных молодежных лагерей. Приезд в СССР по линии «Спутника» был более бюджетным вариантом, поскольку предполагал скидки на железнодорожные и авиабилеты, и к 1985 г. по линии «Спутника» СССР посетило 5 млн. человек. «Спутник» организовывал и выезд советской молодежи за рубеж. Однако рутинно-анкетная процедура отбора для этого «идеологически выдержанных» не смогла предотвратить в условиях увеличения числа контактов «размывание» идейно-политической направленности молодежной дипломатии.

В советском арсенале культурной дипломатии использовалось и привлечение детей, которое описывается в третьем параграфе шестой главы. Наиболее известны случаи приглашения детей в международные детские лагеря типа Артек, а также в детские лагеря стран социалистического содружества, организация которых отличалась активной политической составляющей, в первую очередь миротворческой. Персонификация детской дипломатии показана на примере американской девочки Саманты Смит (обратившейся с письмом к Ю.В. Андропову и посетившей в 1983 г. СССР с целью убедиться в том, что Советский Союз не хочет нападать на Америку) и советской школьницы Кати Лычевой (посетившей США по приглашению американской организации «Дети как миротворцы» в 1986 г.) [Советская культурная..., 2018, с. 384–390], ярко иллюстрирующем медийный фон борьбы двух супердержав.

При подведении итогов институционального описания советской культурной дипломатии авторы проекта пришли к выводу о том, что импульсами для развития ее стали кризисные вехи истории социалистического лагеря – 1956 и 1968 гг., и отказались от периодизации развития культурной дипломатии исходя из времени деятельности советских политических лидеров, предложив следующую:

– 1945–1955 гг. – адаптация системы внешнеполитических репрезентаций СССР к изменившейся в результате Второй мировой войны геополитической ситуации, перешедшей на качественно новый уровень конфронтации с капиталистическим Западом;

– 1956–1967 гг. – мощный стартовый импульс и последующее инерционное развитие «культурного наступления», заданного хрущевским поворотом во внешней политике и венгерским кризисом. В этот период происходит кардинальная смена режима культурной дипломатии СССР: создается система культурных контактов по государственной линии, организуются научные обмены, формируется сложная бюрократическая структура, как советская, так и международная, в области миротворчества;

– 1968–1986 гг. – доминирование экстенсивных подходов к развитию институтов и методов советской культурной дипломатии после масштабного потрясения, связанного с Пражской весной, и закрепление «доктрины Брежнева» в социалистическом лагере, заключающейся в последовательной смене циклов обострения и «разрядки» международной напряженности. Волюнтаристский порыв Н.С. Хрущева, верящего в превосходство социалистической системы, сменяется экстенсивным развитием брежневского периода, направленным на расширение контингента участвующих в «культурной дипломатии», что хорошо вписывается в предложенную А. Юрчаком характеристику поздней социалистической системы [Юрчак, 2014, с. 29–84].

– 1987–1989 гг. – многообразие и дробление культурного взаимодействия, сопровождаемое постепенной «культурной капитуляцией» системы перед новыми вызовами, вскрывшими ее неспособность адаптироваться к масштабным геополитическим и внутригосударственным изменениям политико-идеологического и экономического характера.

Идеологическая индокринированность, неповоротливость и инерционность советской политики в области культурной дипломатии, отмеченные авторами проекта, не предполагают исследования вопроса о феномене успеха и интереса к ней российской (в меньшей степени советской) культуры на западе. Как представляется, системно описанную организацию советской культурной дипломатии можно сравнить с упаковкой, в которую советская партократия стремилась поместить достижения «большой» культуры, привлекавшие Запад, готовый платить за знакомство с известными музыкантами, танцовщиками, художниками, спортсменами из Совет-

ского Союза. С нашей точки зрения, без обзора представителей культуры СССР мирового масштаба и обсуждения вопроса о том, где проходила грань между советским медиапроектом и инструментализацией потенциала советских артистов, оказывается непонятным международный интерес к советской культурной дипломатии. Например, вызывает недоумение выбор авторами проекта в качестве единственного примера карьеры советского писателя Константина Федина, творчество которого не вызывает интереса. Однако выбор его становится понятным с точки зрения воспроизводства логики советской партократии, дававшей возможность персонам, не отличающимся творческим талантом, но инкорпорированным в советскую номенклатурную систему, комфортно существовать в качестве представителей «культуры СССР» [Советская культурная..., 2018, с. 350-361].

Цитаты, приводимые в монографии, оставляют ощущение недосказанности, обилия мертвящего бюрократического языка. Между тем за рамками официальной организации культурной дипломатии остались собственно акторы этого процесса – выдающиеся музыканты, художники, режиссеры, писатели, танцовщики, спортсмены, религиозные деятели, без которых все разрастающаяся советская бюрократия, направлявшая свои усилия на улучшение обеспечения своего приватного пространства, теряла бы всякий смысл. Собственно идейные, концептуальные рамки и импульсы интеллектуального/культурного направления советской дипломатии были заданы еще в сталинский период, и, насколько в хрущевский период культурной дипломатии им были даны новые смыслы, еще предстоит выяснить.

Для понимания феномена советской культурной дипломатии стоит обратить внимание на материалы, посвященные формированию международного признания советских культурных деятелей, появлению тонкой и динамичной границы между выездными и невыездными, а главное; определению значения возможности быть выездным для советских деятелей искусства и сопровождавших их представителей советских структур. Каким образом участие в советской культурной дипломатии меняло мировоззрение ее участников, создавало «пространство действий»? Эту проблему уже поднимала в своих статьях О. Нагорная [Нагорная, 2015б, 2016]. Однако, как акторы советской культурной дипломатии превращались в советских диссидентов и/или эмигрировали, как было с Р. Нуреевым, М. Барышниковым, М. Растроповичем, Г. Вишневецкой хоккеистами Могильным и Федоровым и другими, мы достоверно знать не можем за неимением соответствующих исследований. При изучении советской культурной дипломатии нельзя не учитывать «несоветских» или ставших «антисоветскими» представителей культуры – А. Солженицына, А. Сахарова, Б. Пастернака, А. Тарковского, которые в значительной степени создавали в западном медийном пространстве образ СССР, оказывали огромное влияние на оценку советской культурной дипломатии и способствовали дискредитации советского идеологического проекта.

Понятно, что в рамках данного проекта невозможно было отсмотреть архивные материалы о музыкальных, танцевальных, спортивных советских коллективах, тем более, что ряд сюжетов о танцевальных коллективах, кинофестивалях, музыкальных контактах, советских диссидентах в культурных коммуникациях холодной войны был описан западными исследователями [Romijn, Scott-Smith, Segal, 2012; Prevots, 2001; Martin, 2019]. Однако сюжет о функциях писателей, художников, музыкантов, спортсменов как трансляторов культурных смыслов и метаморфозах, происходивших с ними в ходе коммуникации с другим миром, остался непроработанным.

Рассматривая сюжет о «несоветской» части советской культурной дипломатии нельзя не обратить внимание на интерес западной аудитории к духовности, религиозной культуре Советского Союза и прагматическое использование этого интереса советским государством. Авторы монографии фиксируют, например, выставку православных икон в 1967 г. в Монреале, но характеризуют ее как элемент «архаичного поворота соцреализма» [Советская культурная..., 2018, с. 93]. Однако, как представляется, эту выставку надо рассматривать сквозь призму присутствия церковных древностей на западном рынке антиквариата, открывшем мир русской иконы разным кругам Западной Европы после революции 1917 г. В новой монографии Елены Осокиной детально описываются судьба первой советской зарубежной выставки икон в 1929–1932 гг. [Осокина, 2018, с. 297–310] и рост интереса западного потребителя к православной религиозной культуре, опыту восточной духовности, в частности, к древнерусской иконописи,

что и подтолкнуло советскую партократию к использованию наследия православной культуры в интересах советского современного проекта.

Отмечается в рассматриваемой монографии и участие религиозных организаций СССР в финансировании советского миротворчества, и амбивалентное отношение к этому руководства Фонда мира [Советская культурная..., 2018, с. 269–270], а также ограниченное участие представителей церквей СССР в советских миротворческих проектах [Там же, 2018, с. 364, 287, 288]. Упомянутые в издании религиозные сюжеты не получили достаточного осмысления, между тем использование религиозных сюжетов, символов, знаков и участие деятелей Советского Союза в медийном пространстве в условиях холодной войны [Белякова, 2017] представляется значимым направлением советской культурной дипломатии, и обращение к этим сюжетам могло бы показать гибкость и прагматичность советского руководства в использовании религиозного фактора в своей культурной дипломатии.

Опыт использования религиозных деятелей для доказательства свободы совести в СССР имелся еще у сталинского руководства с начала 1930-х гг. Сегодня мы знаем, что дипломатическая активность представителей Церквей СССР начинала расти во второй половине 1950-х гг. в общем русле практики «культурного наступления» [Белякова, Пивоваров, 2018, с. 130–148] и в контексте развития папской дипломатии, претендующей на моральный авторитет в международной политике [Stehle, 1993, S. 115]. Однако к середине 1970-х гг. эта деятельность сталкивается с трудностями в связи с включением вопроса о правах верующих в СССР (и странах социалистического блока) в контекст обсуждения прав человека. В монографии упоминаются вопросники, содержащие ответы на острые вопросы иностранцев, в том числе ответ, касающийся политики СССР в области свободы совести [Советская культурная..., 2018, с.139]. Одновременно образ страдающих за железным занавесом, но сильных духом христиан, которые должны стать образцом для подражания и получать поддержку от западных христиан, сделался важным нарративом в определенных западных кругах, остро чувствующих наступление секуляризации. Поэтому представители организации «Молодые христиане Америки» оказались в лагере «Спутника» [Там же, 2018 с.139] и инициировали скандальный с точки зрения советской бюрократии инцидент.

Безусловно удавшийся авторам анализ институциональной организации советской культурной дипломатии позволяет поставить вопросы о том, какую роль культурная дипломатия выполняла в СССР, каким образом она меняла образы другого, систему ценностей и способствовала возникновению форм коммуникации за пределами идеологического контроля. Основным участником коммуникаций с «западным» миром стала такая размытая категория советского населения, как «советские служащие». Например, именно к этой группе относились 92% выехавших в капиталистические страны из СССР в 1960 г. Имелись в виду «научные работники и преподаватели вузов (24 %), инженерно-технические работники (19), служащие государственных учреждений (14), деятели литературы и искусства (11), врачи (5), учителя (4), штатные работники партийных, комсомольских и профсоюзных структур (4) [Там же, 2018, с. 318–319]. Эта категория населения была заинтересована в расширении коммуникаций, однако презентации «нового советского человека», сопровождавшиеся активной социологической пропагандой, имели обратный эффект: в этой среде наблюдался рост популярности идеологии, предлагаемой другой стороной. В монографии приводится много фрагментов документов, составленных советскими деятелями, знакомыми с «западным образом жизни», и содержащих сведения о недостатках советского повседневного быта, накладках с производством сувенирной продукции, антисоветских «инспирациях» со стороны приезжавших, мобилизации безвозмездного труда населения при строительстве олимпийских объектов, экстренных закупках за рубежом копировальной техники и барного оборудования, жевательной резинки, жидкого мыла, фольги, бумаги и конвертов, одноразовой пластиковой посуды; а также об обучении по особым краткосрочным программам работников гостиничного хозяйства, общественного питания и торговли. Неиссякаемая тема советских анекдотов о бытовых проблемах и дефиците брежневского СССР получает благодаря данному исследованию новое измерение: не только простые «несознательные» советские граждане испытывали почтение к западному обществу потребления, символом которого были джинсы и жвачка, но и вся советская бюрократия считала важными, практически основополагающими принципами человеческого бытия «стандарты» качества жизни, укорен-

нившиеся в «западном» обществе. Но в условиях дефицита «товаров повседневного спроса», системной нехватки ресурсов отставание в развитии сферы услуг и быта дезавуировало «достоинства» советской социалистической системы, которые следовало пропагандировать.

Итак, материалы, содержащиеся в монографии, позволяют подойти к рассмотрению еще одного принципиального сюжета – о внутреннем эффекте советской культурной дипломатии. К неожиданным для властей результатам привело одомашнивание дискурсов, транслируемых на экспорт, в советском обществе. Эти результаты описаны в монографии. Но вопрос о том, как задачи пропаганды приватизировались и трансформировались в рамках советских институтов и коллективов при реализации советской культурной политики, еще ждет обсуждения. Например, Советский Союз при разработке тактики гостеприимства ориентировался на стандарты досуга западного мира (точнее на то, как понимали эти стандарты советские специалисты). И, судя по всему, создание инфраструктуры для комфортного времяпрепровождения западной молодежи изменяло культуру и географию досуга определенной части советской молодежи в СССР, что способствовало обесмысливанию пафоса борьбы с «растленным влиянием запада, идущим в первую очередь через фильмы и литературу».

Однако культурные сдвиги в советском обществе были более глубокими. Фильм «Андрей Рублев» Тарковского был предназначен для использования в рамках культурной дипломатии Советского государства, и съемки его шли в Суздале, который через несколько лет стал «жемчужиной» Золотого кольца, созданного для демонстрации древнерусского зодчества и культуры иностранным туристам. Между тем реконструированные в качестве музеев древнерусские церкви и монастыри, пластинки с записями хоров и колокольных звонов, альбомы древнерусской иконописи становились для советской интеллигенции альтернативным несоветским, пространством, раздвинувшим границы представлений о культуре и духовности уже в советском обществе.

При обсуждении этой монографии возникает множество тем и сюжетов, касающихся разных аспектов культурной дипломатии, в том числе изменения представлений о нормативах советской культуры, соотношении границ официальной и неофициальной культуры, формах демонстрации лояльности официальной идеологии и ее интерпретации. В том числе потому монография «Советская культурная дипломатия в условиях Холодной войны (1945–1989)» – важная веха в осмыслении феномена культурной экспансии Советского Союза. Совершенно очевидно, что она станет настольной книгой–путеводителем по советским институциям, курировавшим культурную дипломатию, для исследователей истории культуры в Советском Союзе в период холодной войны.

Примечания

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФИ в рамках проекта № 19-18-00482.

Библиографический список

Белякова Н.А. Церкви в холодной войне // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2017. № 1. С. 7–18

Белякова Н.А., Пивоваров Н.Ю. Религиозная дипломатия на службе советского государства в годы холодной войны (в период Н.С. Хрущева и Л.И. Брежнева) // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2018. Т. 11, № 4. С. 130–149.

Нагорная О.С. «... Когда СССР стал сильным и могучим... многие народы нуждаются в нашей дружбе»: аспекты изучения культурной дипломатии в социалистическом лагере (1949–1989) // Диалог со временем. 2015. № 53. С. 269–278.

Нагорная О.С. История советского выездного туризма в контексте культурной дипломатии «холодной войны» (1955–1991) // Вестник Пермского университета. История. 2017. Вып. 4(39). С. 119–125.

Советская культурная дипломатия в годы Холодной войны (1945–1989): Сб. док. / под ред. О.С. Нагорной. Челябинск: Каменный пояс, 2017. 446 с.

Советская культурная дипломатия в условиях Холодной войны (1945–1989) / под ред. О.С. Нагорной. М.: Полит. энциклопедия, 2018. 446 с.

- Орлов И.Б., Попов А.Д. Сквозь «Железный занавес». Руссо туристо: советский выездной туризм 1955–1991. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. 352 с.
- Осокина Е. А. Небесная голубизна ангельских одежд: судьба произведений древнерусской живописи, 1920–1930-е годы. М.: Нов. лит. обозрение, 2018. 664 с.
- Barghoorn F.C. The Soviet Cultural Offensive: The Role of Cultural Diplomacy Soviet Foreign Policy. New York: Princeton University, 1960. 362 p.
- Bauersachs H. Wandlungsprozesse in der deutschen Auswärtigen Kulturpolitik. Eine mehrdimensionale Analyse am Beispiel der Deutschlandjahre. Wiesbaden: Springer VS, 2019. 272 S.
- Falk H. Public Diplomacy. Internationale PR für Staaten –eine Annäherung. Wiesbaden: Springer VS, 2019. 38 S.
- Gienow-Hecht J., Donfried M., ed. Searching for a cultural diplomacy. New York: Berghahn Books, 2010. 278 p.
- Gould-Davies N. The Logic of Soviet Cultural Diplomacy // Diplomatic History. 2003. Vol. 27 (2). P. 193–214.
- Jowett G. S., O'Donnell V. Propaganda & Persuasion. Thousand Oaks: Sage, 2012. 432 p.
- Martin B. Dissident Histories in the Soviet Union From De-Stalinization to Perestroika. Bloomsbury Academic, 2019. 322 p.
- Melissen J. The new public diplomacy: Soft power in international relations. Leiden: Brill. 2005. 221p.
- Nye J. Soft power: The means to success in world politics. New York: Public Affairs, 2004. 192 p.
- Prevots N. Dance for export. Cultural Diplomacy and the Cold War. Wesleyan University Press, 2001. 188 p.
- Rawnsley G. Taiwan's informal diplomacy and propaganda. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2000. 182 p.
- Divided Dream worlds? The Cultural Cold War in East and West / eds. P. Romijn, G. Scott-Smith, J. Segal. Amsterdam: University Press, 2012. 240 p.
- Stehle H. Geheimdiplomatie im Vatikan. Die Päpste und die Kommunisten. Zürich: Benziger, 1993. 439S.
- Taylor P. M. Munitions of the mind: A history of propaganda. Manchester: Manchester: University Press, 2003. 360 p.

Дата поступления рукописи в редакцию 11.08.2019

“... SHE WAS IN PARIS, AND YESTERDAY I FOUND OUT THAT IT WAS NOT THE ONLY PLACE SHE WAS IN”. SOVIET CULTURAL DIPLOMACY AND THE ‘HOMELY’ ASPECT OF POLITICAL DISCOURSE IN THE COLD WAR

N. A. Belyakova

Institute of World History, Russian Academy of Science, Leninsky ave., 32A, 119334, Moscow, Russia
beliacovana@gmail.com

Soviet cultural diplomacy drew significant attention of Western researchers from various fields, who tried to properly interpret the cultural expansion of the Soviet Union. The initial political approach to perception of cultural diplomacy as a form of competition and the struggle of superpowers for greater influence still retains its position in contemporary historiography, yet the institutional level of research dedicated to the mechanisms of authoritarian political systems finally gives us a chance to study the inner logic of the functioning of the Soviet bureaucratic system. The collective monograph edited by Oksana Nagornaya provides a detailed description of the institutions responsible for Soviet cultural diplomacy in the 1950s-1980s, as well as its practical aims and goals. The authors' refusal to use the traditional political timeframes of the post-war USSR associated with political leaders made it possible to state that the dominant impulses for developing and transforming Soviet cultural diplomacy were in fact the two great crises in the Socialist block in 1956 and 1968. In the aftermath of the Hungarian crisis, a radical turn took place in the Soviet system, with a new focus on creating systems of mass communication in the fields of interstate, academic and social relations. An important part of such policy change was ecclesiastic diplomacy of the Soviet Union, which previously had been outside the traditional framework because of the Bolsheviks' negative view on religion. This form of diplomacy began to rapidly develop in the 1960s-1980s, turning church representatives into important actors of the

Cold War. The expanding system of communication, growing more and more complex, led to unexpected transformations and privatization of discourses and narratives translated abroad or offered to foreign tourists, gradually changing the inner cultural landscape of the USSR.

Key words: Cold War, cultural diplomacy, history of communication, Soviet history, religion in the Cold War, grey zone of culture.

References

- Barghoorn, F.C. (1960), *The Soviet Cultural Offensive: The Role of Cultural Diplomacy Soviet Foreign Policy*, Princeton University, New York, USA, 362 p.
- Bauersachs, H. (2019), *Wandlungsprozesse in der deutschen Auswärtigen Kulturpolitik. Eine mehrdimensionale Analyse am Beispiel der Deutschlandjahre*, Springer VS, Wiesbaden, Deutschland, 272 s.
- Belyakova, N.A. (2017), “Churches in the Cold War”, *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom*, № 1, pp. 7–18.
- Belyakova, N.A. & N.Yu. Pivovarov (2018), “Religious Diplomacy of the Soviet Union during the Cold War (the time of N.S. Khrushchev and L.I. Brezhnev)”, *Kontury global'nyh transformatsiy: politika, ekonomika, pravo*, vol. 11, № 4, pp. 130–149.
- Gienow-Hecht, J. C. & Donfried M.C. (2010), *Searching for a cultural diplomacy*, Berghahn Books, New York, Oxford, USA-UK, 278 p.
- Gould-Davies, N. (2003), “The Logic of Soviet Cultural Diplomacy”, *Diplomatic History*, Vol. 27 (2), p. 193–214.
- Hartig, F. (2019), *Public Diplomacy. Internationale PR für Staaten – eine Annäherung*, Springer VS, Wiesbaden, Deutschland, 238 s.
- Jowett, G. S., & O'Donnell, V. (2019), *Propaganda & Persuasion*, Sage, Thousand Oaks, USA, 432 p.
- Martin, B. (2019), *Dissident Histories in the Soviet Union from De-Stalinization to Perestroika*, Bloomsbury Academic, London, UK, 322 p.
- Nagornaya, O. (2013), “«... when the USSR became strong and powerful ... many peoples need our friendship»: aspects of the study of cultural diplomacy in the socialist camp (1949-1989)”, *Dialog so vremenem*, № 53, pp. 269–278.
- Nagornaya, O. (2017), “History of the Soviet Outbound Tourism in the Context of the Cold war’s Cultural Diplomacy (1955-1991)”, *Vestnik Permskogo Universiteta. Seriya Istoriya*, Vol. 4(39), pp. 119-125.
- Nagornaya, O. (ed.) (2017), *Sovetskaya kul'turnaya diplomatiya v gody Holodnoy voyny (1945–1989). Sbornik dokumentov* [The Soviet cultural diplomacy during the Cold War (1945-1989). The Collection of documents], Kamennyy poyas, Chelyabinsk, Russia, 445 p.
- Nagornaya, O. (ed.) (2018), *Sovetskaya kul'turnaya diplomatiya v usloviyah Holodnoy voyny (1945–1989)* [The Soviet cultural diplomacy during the Cold War (1945-1989)], Polit. entsiklopediya, Moscow, Russia, 446 p.
- Nye, J. (2004), *Soft Power: The Means to Success in World Politics*, Public Affairs, New York, USA, 192 p.
- Orlov, I.B. & A.D. Popov (2016), “Skvoz zheleznyy zhanaves”. *Russo Turisto: sovetskiy vyezdnoy turizm 1955–1991* [Through the Iron Curtain. Russo Turisto: Soviet outbound tourism 1955-1991], Vysshaya shkola ekonomiki, Moscow, Russia, 352 p.
- Osokina, E.A. (2018), *Nebesnaya golubizna angel'skih odezhd: sud'ba proizvedeniy drevnerusskoy zhivopisi, 1920–1930* [Heavenly blueness of angelic clothes: fate of Old Russian paintings 1920-1930], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia, 664 p.
- Prevots, N. (2001), *Dance for Export. Cultural Diplomacy and the Cold War*, Wesleyan University Press, Middletown, USA, 188 p.
- Rawnsley, G. (2000), *Taiwan's informal diplomacy and propaganda*, Palgrave Macmillan, Basingstoke, UK, 182 p.
- Romijn, P., Scott-Smith, G. & J. Segal (eds.) (2012), *Divided Dream worlds? The Cultural Cold War in East and West*, University Press, Amsterdam, Holland, 240 p.
- Stehle, H. (1993), *Geheimdiplomatie im Vatikan. Die Päpste und die Kommunisten*, Benziger, Zürich, Deutschland, 439 s.
- Taylor, P. M. (2003), *Munitions of the mind: A history of propaganda*, Manchester University Press, Manchester, UK, 360 p.